

Вас люблю

Можно сказать, что слава к Алле Ларионовой пришла из сказки. Фильм «Садко», в котором она сыграла свою первую главную роль, имел успех не только у нас — он получил приз на фестивале в Венеции, где молодая актриса поразила всех своей свежестью и красотой. Их звездный брак с Николаем Рыбниковым, чьи романтические герои из «Весны на Заречной улице» и «Высоты» стали символом кино 50-х годов, длился тоже по-сказочному — ровно тридцать лет и три года. И за ней, и за ним ходили толпами поклонники, мечтая только догнаться до кумира. И к ней, и к нему кино, подарив несколько лет сногшибательной популярности, непонятно почему повернулось спиной. Они сумели пережить и это, и считая, что главное — семья. Неудивительно, что, оставшись одна, Алла Дмитриевна не смогла больше жить в том же доме — она поменяла квартиру, мебель и даже привычки.

Мерилин Монро для Рыбникова

— С Рыбниковым у вас была любовь с первого взгляда?

— Нет. Коля мне очень нравился, когда мы учились во ВГИКе, и я тайно была в него влюблена. А он увлекался другой девочкой и на меня внимания не обращал. Заметил меня только тогда, когда я начала уже сниматься. Он приходил к нам в гости, и мои родители любили его. Жалею и подкармливали. Коля рано потерял родителей и остался сиротой. А потом... Потом я стала мотаться на съемки. Были, конечно, романы, другие мужчины...

— Романов, наверное, было много?

— Не то чтобы очень много. Но я была молодой и очень сильно увлекалась. Мне всегда нравились мужчины на десять-пятнадцать лет старше меня. Но все-таки где бы я ни была — в сибирской глуши или за границей, — Коля все время присылал мне письма, телеграммы: «Люблю. Пью твоё здоровье. Твой Коля». И так шесть лет. Когда я снималась в Минске в «Полесской легенде», он приехал ко мне на Новый год и сказал: «Алена, выходи за меня замуж». У меня тогда не очень ладились личные дела, и Коля меня утешил, наконец, пожениться. Мы решили расписаться 2 января. Пришли в один загс — не расписывают. Не узнали нас. Во втором загсе напротив какого-то кинотеатра узнали и быстро расписали. И Коля в этот же день улетел на съемки. Он снимался тогда в «Высоте». У нас у каждого была своя актерская судьба, поэтому когда встал вопрос о смене фамилии, я попросила его не обижаться и оставила свою, уже известную зрителям.

— Рыбников был на экране тем, что сегодня называют секс-символом. У вас возникли из-за этого семейные проблемы?

— Никогда. Николай оказался однолюбом и, когда мы поженились, других женщин вообще не воспринимал. Коля искренне считал, что я красивее всех мировых кинозвезд — и Софи Лорен, и Мерилин Монро, — и часто мне говорил: «Ни на кого, кроме тебя, и смотреть не хочу». Даже наши близкие друзья удивлялись силе его любви.

— Он влюбился именно в вашу красоту?

— Отнюдь. В юности я была очень смешная, этакая кувалда толстая: крупное лицо, две косички, конопущий. Главное — была молодостью.

— На кого вы похожи?

— Я в отца. Он был очень красивый мужик, похожий на Охлопкова — высокий голубоглазый блондин. Они с матерью познакомились у Котовского. Мама у меня была простой женщиной, с четырьмя классами образования. Фамилия у нее была девичья красивая — Гончарова. Но она была настолько интеллигентна, что впечатление произвела такое, словно Сорбонну окончила.

Отец был членом партии с 18-го года, депутатом райсовета, честным ленинцем. Потом, по партийной линии, стал директором небольшой фабрики, потом — директором райпещеторгба Бауманского района. Но холостяком у нас был всегда пустой. Я проходила: «Папа, принеси что-нибудь вкусненькое». Он отвечал: «Подидите и купите себе сами». Умер отец в 67-м по глупости: он брился и сбрызнул себе родинку, пошла меланома...

— Вы легко поступили во ВГИК?

— Вначале я поступала в ГИТИС, на курс Андрея Гончарова. Я читала Маргариту Алигер, Чехова, басню. Читала-читала, потом занулась.

Гончаров спрашивает: «Девочка, сколько вам лет?» «Семнадцать», — отвечаю. «В семнадцать лет надо иметь опыт получше». Я расстроилась, но он сказал: «Приходите на следующий тур». И я поступила, но потом узнала, что экзамены во ВГИК еще не закончились, и довольно легко была принята.

— Вашими педагогами были Сергей Герасимов и Тамара Макарова, которые славятся тем, что умели создавать будущих звезд.

— Учителя они были от Бога. У нас на курсе были Коля Рыбников, Нина Меньшикова, Вадим Захарченко... Это второй московский набор после тех, кто снимался в «Молодой гвардии». Но это был актерско-режиссерский курс: с нами учились Кулджанов, Ордынский, Сегель. Наши будущие режиссеры пришли в институт в гимнастерках прямо с фронта. Левка Кулджанов был жутко худой и напоминал дистрофика. Мы его подкармливали. В чеховском «Водевиле» он должен был нести меня на руках. Но какое там! Он был весь синий и еле стоял на ногах. А я была достаточно крепкой девчонкой.

— Почему Герасимов никогда вас не снимал?

— Когда на втором курсе мне предложили сыграть в «Садко», Герасимов сначала не отпускал меня сниматься. Он боялся, что я увлекусь сказочными сюжетами, и говорил: «Нет, не шути. Ты еще ничего не умеешь. Сейчас надо учиться. А потом я сам буду тебя снимать». Но проходил год за годом, и все оставалось по-прежнему. Я не в обиде. Это был гениальный человек. Мы все были тайно влюблены в него.

Когда Герасимов задумывал «Сельского врача», он проверял на нас с Вадимом Захарченко какие-то свои задумки: мы репетировали все, что потом снималось. Но картина вышла с другими артистами. Так же получилось и с Колей Рыбниковым. Он потрясающе играл в «Юности

артисткой. Он очень переживал.

— С чем это был связано? Вы же были любимой народом артисткой, никогда не выступали против власти.

— Я попала в крутой переплет, связанный с министром культуры Александровым. Из-за этой жуткой истории я в начале карьеры пережила настоящую психологическую травму — меня лишили права сниматься. А дело было так.

На кинопробках «Двенадцатой ночи» меня увидел только что назначенный на должность министра Александров. Я была тогда молодая, красивая, и у него буквально челюсть отвисла. Он остановился и смотрел-смотрел, забыв о делегации. Вечером меня пригласили на какой-то министерский прием. Я пошла, побывала там полчаса, выпила бокал шампанского и вернулась в номер. Естественно, что никаких других предложений от Александрова я принять не могла. Но после этого я сразу оказалась между двух огней. С одной стороны, поползли слухи о том, что я — любовница министра и что именно он устроил меня на роль в «Анне на шее». Хотя министром его назначили уже после выхода фильма. Поговаривали даже, что у него в ящике стола лежит мой портрет. Телефон у меня замолчал, со мной еле здоровались. С другой стороны, начал действовать негласный запрет, и режиссеры прекратили меня снимать. Его нарушил только Александр Луквич Птушко — позвал меня в Ялту на съемки «Ильи Муромца». Звонил каждый вечер: «Выезжай! Декорации готовы. Я тебя жду». Но я не поехала.

Травля продолжалась до конца правления Александрова. Мне посоветовали написать его прежнему. Я сочинила слезное письмо: «...обращаюсь к вам как советская актриса и комсомолка. В последнее время вокруг моего имени идет возня оскорбительного характера. Я не жалуюсь, а прошу разобраться. Если я хоть в чем-то виновата, накажите меня, а

Время, ушедшее, как вздох

Между тем звездный роман Николая Рыбникова и Аллы Ларионовой длился тридцать три года

Петра». Это была его дипломная работа, и на спектакль съезжалась вся театральная Москва. Герасимов загорелся и даже написал, что мечтает сыграть Рыбникова в этой роли в кино. Но этого так и не произошло.

— Вы, в сущности, мало снимались. Есть о чем пожалеть?

— Порой бывало обидно. Алексей Салтыков пробовал меня на роль в «Председателе». В сценарии было написано: «Затюканная русская баба». Мы снимаем пробу с Мишей Ульяновым и Ваней Лапиковым. Леша говорит: «Как интересно! Ты совсем не похожа на себя. Давай, давай». Но меня так и не утвердили. Я хлопнула дверью и ушла, а эту роль блестяще сыграла Нонна Мордюкова. Мы потом были очень дружны с Нонной Мордюковой и Славой Тихоновым. У нас никогда не было секретов друг от друга. Несколько лет назад Нонна мне сказала: «Альбинка! Если, не дай Бог, я умру первой, ты на мои похороны не приходи. А то вспомнишь, что я тебе рассказывала, и будешь хохотать». Я тоже попросила ее посидеть дома, пока будут хоронить меня.

— Грустная история. Но вы остались в ней на высоте. Вам всегда это удавалось?

— Я никогда не лезу ни в какие сплетни и драги. Никогда не даю советов. Какой совет я могу дать, если сама не знаю, как жить? Я верю в судьбу. Даже снам верю.

У меня был удивительный случай. В 1947 году, еще до поступления во ВГИК, я поехала в Севастополь проведать родственников. Надо сказать, что путешествия — это мое главное хобби. До сих пор все знают, что Ларионова никогда не капризничает и соглашается ехать куда угодно. А мой родственник тогда предложил съездить в Ялту. Я согласилась, но утром перед отъездом вдруг зарыдала: «Не могу! Не хочу! Не поеду!» Они уехали и попали в аварию. Как это объяснить?

— Все актеры суеверны. Я на руке, например, ношу шерстяную красную нитку от слеза.

— У вас была потрясающая популярность. Вы ощущали себя кинозвездой?

— Тогда мы еще не знали такого понятия. А популярность действительно была бесценна. Из дома невоз-

можно было выйти. За мной толпы ходили, конная милиция их разгоняла. Машину, в которой я ездила, однажды несли на руках. Из ресторанов нас всегда уходили через кухню, мимо кастрюль и сковородок. В Краснодаре весь город собрался перед гостиницей, где мы с Рыбниковым остановились, и нам, как Ленину и Крупской, пришлось выйти на балкон. Все кричат, ощущение дурацкое. И это в те времена, когда еще не было нелевидения, ни желтой прессы.

— У вас и почта, наверное, была огромная?

— Письма приходили мешками. Очень много писали уголовники — я была их любимой актрисой. Начались письма обычно так: «Милая Аннота, здравствуй...» Дальше были варианты. Один просил: «Вышли башмаки такого-то размера». Другой жаловался: «Аннота, я третий раз освобождаюсь, и третий раз меня сажают. Потому что пока я добирался до дома, успеваю что-то своровать. Меня опять берут, опять сажают. Вышли мне деньги по такому-то адресу. Тогда я не буду воровать». Третий просил прислать костюм: «Как тебе стоит? Ты же можешь...» А однажды я получила трогательное письмо: «Скоро освобождаюсь и буду проездом в Москве. Обязательно тебя разыщу, и если ты в жизни такела, как в кино, то, возможно, я на тебе женюсь». Один очень интеллигентный человек прислал мне посылочки — всякие поделки. Ему единственному я ответила.

Адрес! Мне писали: «Москва. Большой театр. Народной артистке Советского Союза Алле Ларионовой». А однажды я получила открытку с адресом: «Москва. Мавзолей имени Ленина. Народной артистке Алле Ларионовой».

— Фильмы с вашим участием показывали за рубежом. Вас приглашали сниматься западные режиссеры?

— Конечно. Меня, например, хотел снимать Чарли Чаплин. На фести-

тывалась я была нарасхват. В Венецию я поехала с «Садко» и за мной толпы ходили. Но этот железный занавес... Наши чиновники на все предложения отвечали: «К сожалению, у нее контракт на много лет вперед. Она безумно занята».

— Но повидать мир все же удавалось?

— В пятидесятые годы у нас была потрясающая поездка во Францию. В СССР приезжали Жерар Филипп, Даниэль Дарье, Николь Курсель, наш визит был ответным. Принимали нас потрясающе. Мы были в винных подвалах у Ротшильда в Бордо. Жерар ухаивал за мной и даже посылал мне стихи.

— А как в те времена решался вопрос с нарядами? У вас были красивые туалеты?

— Откуда! Первая поездка в Венецию, где мы получили «Серебряного льва» за «Садко», состоялась в 1953 году. Я только что окончила институт. У меня было одно голубенькое платье. И вдруг нас — Лию Гриценко, Наташу Мелведу и меня — вызывают в высокую инстанцию и говорят: «Идите в такое-то ателье». За три дня намшили по платью — все из одинакового белого материала, но разных фасонов. В них мы в Венеции и шеголяли. А вернувшись в Москву, мы эти платья сляли. Про меня газеты писали: «Самая молодая, самая веселая, самая красивая».

— Вы были знакомы и с его семьей?

— Не очень близко. В «Садко» я снималась вместе с его женой, Лидой Вертинской, которая играла Птицу-Феникс. Но так получилось, что на площадке мы не встречались. Сейчас дружим с Марианной. Но я Александром Николаевичем встречалась не раз, но даже некоторые встречи упоминаю в своей книге «Дорогой длинный».

— В Киеве, где я снималась, Вертинский гастролировал. Через несколько недель я должна была лететь в Париж, и Вертинский сказал: «Ал-

лочка, у меня два любимых города — Киев и Париж. Но и там, и там все мои знакомые давно поумирали, никто меня уже не знает, не помнит. Поклонитесь от меня Парижу и, если можно, привезите горсть земли». Во Францию какой-то миллионер пригласил нас на всемирную выставку цветов. И на одном из горшочков я читаю надпись: «Александр Вертинский». Боже! Цветок в память о нем!

Я побежала к устроителям выставки, попросила подарить мне хотя бы отросток. Но ничего не вышло. Я привезла лишь горсть земли и рассказала Вертинскому о том, как его любят во Францию. У него слезы навернулись на глаза. Он был sentimentalным большим ребенком.

Еще была такая история. Мы с Колей приехали на съемки в Ленинград. Жили в «Астории». Там же остановился и Александр Николаевич. И вдруг меня срочно вызвали в Москву. Через два дня возвращаюсь и выясняю, что Александр Николаевич уехал и попросил, чтобы меня поселили в его номере. Я захожу в его апартаменты, а они утопают в сирени. На полукле запяса: «Милая Аллочка! Спи спокойно в моей кровати. Если вас по ночам будут преследовать призраки женщин, бывавших у меня, сплывайте через левое плечо. Ваш Вертинский».

Еще одну корзину прекрасной белой сирени нам с Рыбниковым принесли после рождения дочери. В цветах было маленькое письмо: «Милая Аллочка! Я так счастлив, что у вас наконец родилась дочка. Если вы не возражаете, я с удовольствием буду ее крестным отцом. Ваш Вертинский». Покрестить нашу дочь он не успел. А письмо это пропало, как и другие письма Вертинского.

— Как же это могло произойти?

— Самые интересные и дорогие мне письма и фотографии я хранила в симпатичном мешочке. Но однажды он сторел в пеще. У меня сохранилась фотография Вертинского с надписью: «Артисты это Боги, а Боги всегда одиноки».

— У вас вроде бы всегда было много друзей?

— Космонавты, актеры, шахматисты, хоккеисты, писатели — нас все любили. У нас был открытый, гостеприимный дом. Николай шутил, что все наши заработки уходят в унитаз. Когда Коля умер, на сберкнижку не было ни гроша. Мне пришлось очень трудно. Сейчас друзей становится все меньше и меньше. Приходится наслаждаться воспоминаниями.

В свое время мы общались даже с Фанной Георгиевной Паневской. Как-то мы с Колей сидели в гостях у замечательного режиссера Сергея Арсентьевича Майорова, знакомого и соседа Паневской. Выпиваем, беседуем. Звонит Фанна Георгиевна: «Дорогие мои ребята! Она так нас

называла.) Я так хочу вас видеть. Зайдите». Мы поднимаемся, звоним, она открывает дверь — в карачулевой шубе, накинута на ночную сорочку. «Вот, — говорит, — нет у меня денег. Не могу халат купить». Я пообещала ей подарить хороший халат, но не случилось.

— Говорят, вы не только дружили с Людмилой Целиковской, но вас даже путали.

— Нам часто говорили, что мы похожи. Люсин бывший муж Михаил Иванович Жаров (мы с ним тогда снимались в «Анне на шее») как-то заметил: «Ты так похожа на Люсю, что это даже плохо». Из-за внешнего сходства нас иногда пробовали на одну и ту же роль, например в «Попрыгунье». А однажды Слава Шалевич, который ехал в Америку со спектаклем «Коварство, деньги и любовь» по Зошенко, а Люся тяжело заболела, попросил меня заменить ее. Он предложил мне посмотреть запись спектакля. Я посмотрела и поняла: не мое. Люся пела, танцевала, играла сразу три разных характера. Для меня все это было китайской грамотой. Я долго отказывалась, но Люся меня благословила, и я все же стала репетировать.

— Вы где-то упоминали, что родители вас называли в честь великой актрисы Аллы Константиновны Тарасовой. На нее вы тоже паразитно похожи.

— Я получала массу писем, где меня спрашивали, не дочь ли я Аллы Тарасовой. Встретились мы лишь однажды — на приеме в Георгиевском зале Кремля. Она пошла ко мне, поцеловала и сказала: ну, здравствуй, доченька! Я ее спросила: «Вас тоже замучили вопросы?» — «Еще как! Но я всем отвечаю, что у меня только есть сын и нет какой-то дочери».

— Неужели все-таки вам остались одни воспоминания?

— Какое-то время я работала в Театре киноактера. Репетировала роли, но до премьеры дело никогда не доходило. Еще у нас была концертная программа «Товарищ кино». Мы без конца с ней мотались — авантюреды, поэзия, фестивали, кампании... Мы буквально зверели, а получали гроши. Из-за этой программы я совсем перестала сниматься. Недавно позвонили из архива проверить мою фильмографию. Оказалось, последние десять лет я не снималась вообще.

— Как вам сегодня живется?

— По-всякому. Обидно только, что жизнь подходит к финалу, а достатка нет. Но я прожила интересную жизнь, у меня был прекрасный муж. Память о нем мне очень дорога. Меня иногда спрашивают: «Почему ты снова не вышла замуж? Вот уже восемь лет, как нет Рыбникова». Но я одна. Обет мои дочки живут отдельно. Я наслаждаюсь своим одиночеством. Отдыхаю. Не знаю, что будет потом, но сейчас я очень довольна своей жизнью.

Беседа с Павлом МАКАРОВ